

«ЗОЛОТОЙ ВЕК» И ЭПОХА ВОЗРОЖДЕНИЯ В БЕЛАРУСИ

Старостенко В.В.

Эпоха отечественного Возрождения XVI – начала XVII вв. – один из важнейших этапов становления национальной культуры, самосознания белорусского народа. Результатом ренессансного влияния стали процессы секуляризации, гуманизации и рационализации социальной жизни и духовной культуры. Рождение суверенной культуры белорусского народа символизировала скорининская Библия. В сознании общества постепенно утверждаются и фиксируются в качестве юридических норм в Статутах ВКЛ идеи правового мировоззрения, общественного согласия, государственно-политического суверенитета.

Спустя более чем три столетия, уже в период «второго белорусского возрождения» в 20-е гг. XX в., в трудах по истории белорусской культуры и литературы эпоху Возрождения, XVI в., или «первое белорусское возрождение», начинают определять как «золотой век» в истории Беларуси. Приоритет в этом нововведении принадлежит известному историку литературы, поэту и критику Максиму Богдановичу, автору статьи «Белорусское возрождение», написанной в 1914 г. и опубликованной в 1916 г. [3, с. 15–16]. Позже, с 30–40-х гг. XX в. понятие «золотой век» стало рассматриваться в белорусской историографии как антинаучное и идеологически ошибочное [5, с. 398].

В некоторых публикациях периода суверенной Беларуси, или «третьего белорусского возрождения», понятие «золотой век» вновь легитимируется, преимущественно в традициях 20-х гг. XX в. Рассуждая о «золотом веке» в контексте полиэтничного характера культуры ВКЛ в XVI в., А. Мальдис отмечает, что «Залаты Век – гэта час, калі наша культура развівалася паводле агульнаеўрапейскіх канонаў... Рэнэсансу і Рэфармацыі», когда «беларуская культура стала вядучай у Вялікім Княстве Літоўскім» [7, с. 12, 14]. На мотивы «золотого века» как идеала универсального архетипа совершенного общества в индоевропейской культуре и в творчестве писателей ВКЛ и Речи Посполитой XVI в. обращает внимание В.М. Конон [7, с. 40–47]. В некоторых публикациях данное понятие приобретает новый контекстный смысл, рассматривается в связи с реформационным движением. В частности, конфессиональный аспект «золотого века» абсолютизирует Ст. Акинчиц. Суждения автора не лишены оригинальности, важнейшим детерминантом развития белорусского общества он считает влияние Реформации: «Бо і Біблія Скарыны, і развіццё школьніцтва і кнігадрукавання, і зямельная, судовая, адміністрацыйная рэформы XVI ст., і Статуты ВКЛ, рост гарадоў, уздым культуры і эканомікі маюць сваёй прычынай ні што іншае (?? – В.С.), як ідэі Рэфармацыі...» [7, с. 21–22]. Не вдаваясь в детали многовековой дискуссии о месте Реформации в истории культуры Беларуси, отметим лишь, что более обоснованным видится рассмотрение Реформации как преимущественно следствия Возрождения, а не его причины.

В целом, выражение «золотой век» в качестве метафоры, образной характеристики XVI в. как времени расцвета духовной жизни Беларуси обрело устойчивую «прописку» в белорусской публицистике. В этой связи представляет интерес вопрос о применении понятия «золотой век» в аутентичных источниках периода отечественного Возрождения.

Следует сразу отметить, что современники, жившие в XVI в., не оставили оценок этого столетия как буквально «золотого века» в развитии культуры. В качестве единственного примера употребления данного термина, причем как метафоры процветания ВКЛ, нередко рассматривается поэма «Песнь о зубре» Н. Гусовского. В наиболее часто цитируемом переводе поэмы на белорусский язык Я. Семезона определение «золотой век» относится к «нетрам даўняе даўнасці», ко времени правления князя Витовта: «Княжанне Вітаўта лічаць усе летапісцы росквітам княства Літоўскага, нашага краю, і называюць той *век залатым*. Разбяромся: мне так здаецца, што гэтай шаноўнаю назвай век той названы па простаі прычыне: дзяржаўца перад багаццем і шчасцем зямным пастаянна ставіў багацце духоўнае – злага дзяржавы» (здесь и далее выделено мною. – В.С.) [1, с. 363–364], [4, с. 104]. Однако в латинском оригинале «Песни о зубре» термин «золотой век» не употребляется (см.: [4, с. 37]), используется выражение «*clarissimus aevo*» (а не «*aurea aetas*» или «*aureum tempus*»). Вышеприведенный отрывок имеет более адекватный русскоязычный перевод: «Годы княжения Витовта названы *веком самым прекрасным* совсем не за то, вероятно, что возвышала правителя бранная слава. Нет же, скорее за то, что превыше богатства и счастья ставил он духа богатство...» [4, с. 157].

Понятие «золотой век» применительно к XVI в. появляется в аутентичных источниках лишь последующего XVII века. При этом данное понятие использовалось в качестве метафоры не периода расцвета культуры вообще, а времени относительной веротерпимости и гражданского согласия второй половины XVI в. Именно в этом смысле «золотой век» фигурирует в мемуарах, или «Исторических записках» Ф. Евлашовского (нач. XVII в.). Описывая события 60–90-х гг. XVI в., Евлашовский отмечал, что конфессиональные различия не вызывали в то время вражды, не являлись препятствием для отношений добрососедства, социального согласия, что наблюдается в новом столетии. «На он час, – пишет он, – розност вяры не чинила намнейшей розности в милости приятельской, для чого самого тамтот *век злотым* ми се види от нинейшого веку, кгде юж и межи еднэй вяры людьми облуда все заступила, а покготовю межи розными вяры анисе пытай о милост щирость и правдиве добрэ заховане...». Приводится Евлашовским и весьма красноречивый пример толерантности в отношениях между виленскими католиками и протестантами [8, с. 91]. Иностранцы, удивленные тем, что каноник пригласил к себе на обед «евангелика», «дивовали се барзо...» и «хвалили то... мовечи, же ту Бог живе, а кганили свое домовэ права». Евлашовский мечтает о возвращении утраченного «золотого века»: «О Бокг бы то дал, абы и тэраз ласкавшие веки наступит могли...» [8, с. 91–92].

Причина столь контрастных оценок второй половины XVI в. и начала XVII в. – в кардинальных изменениях общественной ситуации в Речи Посполитой, вызванных активизацией Контрреформации и введением Брестской церковной унии (1596). Уния привела к нарушению конфессионального баланса и социальной стабильности. Общественное сознание проникается духом вражды, религиозной нетерпимости, что зафиксировано в памятниках общественно-философской мысли, проявлялось в многочисленных фактах социально-политической жизни. В антиуниатской, прежде всего православной литературе, уния прямо рассматривается как социальное зло, угроза распада государства, нарушение прав личности и даже как происки дьявола (см., напр. [10, с. 94–109]). Один из наиболее характерных примеров такого рода содержится в сочинении клирика Острожского «Отпис на лист... отца Ипагиа» (1598). Уния для автора – промысел сатанинских сил («сеть дьяволу»), «страху и жалю полная», «мешаная колотливая згода», «помешанье сумненья и веры» [6, с. 405–406].

Аллегорически, эмоционально-образно наступившие «железные века» описываются Ф. Иевлевичем в поэме «Лабиринт» (1625): «наполнилась мера дел неясных, настало время предательств, фальши, травли, фальшивых завещаний, лживых лобызаний, подлых убийств, злодейства, воровства, хищного зверства. Ничто уже не идет естественным образом, а подлинного представления о добродетели или истинной мере справедливости вы не имеете. Тень только, подобие их используете». «Железные века» как «времена жалкие», «смутные» противопоставляется Иевлевичем минувшим «золотым векам», когда царила «згода» – справедливость, религиозная свобода и веротерпимость, гражданский мир и согласие [9, с. 22–24]. Представление о существовании до конца XVI в. относительной религиозной свободы породило и относимое к данному времени понятие «золотой свободы». Примером может служить известное антиуниатское сочинение «Синописис», поданное на сейм Речи Посполитой 1632 г. Перечисляя примеры вероисповедных притеснений со стороны униатов, авторы документа (? И. Бобрикович, Л. Древинский) заключают: «... подобныя обиды не насилие ли совести? Не нарушение ли прежней нашей *златой вольности?*» [2, с. 90–91].

Приведенный экскурс в вопрос о «золотом веке» эпохи Возрождения не ставит под сомнение возможность метафорического использования данного понятия применительно к общим оценкам богатой ренессансной культуры ВКЛ. Задача его – обратить внимание на феномен современной мифологии, и актуальность адекватного научного прочтения интеллектуальной истории Беларуси.

Литература

1. Анталогія даўняй беларускай літаратуры: XI – першая палова XVIII стагоддзя / Навук. рэд. В. А. Чамярыцкі. – Мн., 2003.
2. Бантыш-Каменский, Н. Историческое известие о возникшей в Польше унии. – М., 1805.

3. Богданович, М. Белорусское возрождение // М. Багдановіч Беларускае адраджэнне: Літаратурныя артыкулы. – Мн., 1994.
4. Гусоўскі, М. Песня пра зубра: на лацін., беларус., рус. мовах. – Мн., 1980.
5. Пазднякоў, В. «Залаты век» // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: У 6 т. – Мн., 1996. – Т. 3.
6. Памятники полемической литературы в Западной Руси. – СПб., 1903. – Кн. 3.
7. Рэфармацыя і залаты век Беларусі: Матэр. навук.-практ. канф., Мінск, 1 чэрв. 2002 г. / Укл. С. Акінчыц. – Мн., 2002.
8. Свяжынскі, У.М. «Гістарычныя запіскі» Ф.Еўлашоўскага. – Мн., 1990.
9. Старостенко, В.В. «Лабиринт» Фомы Иевлевича. – Могилев, 1998.
10. Старостенко, В.В. Свободомыслие и свобода совести в Беларуси: очерки истории. – Могилев, 2004.